

УДК 94(470)"18/19":342.531.111+331.108.2

УВОЛЬНЕНИЯ КАК ФАКТОР РОТАЦИИ ГУБЕРНАТОРСКОГО КОРПУСА В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

А. С. Минаков

Орловский государственный университет,
кафедра истории России, г. Орёл

В статье анализируются механизмы увольнения губернаторов в России во второй половине XIX – начале XX в. Рассмотрены причины и обстоятельства, вызывавшие губернаторские отставки. Показаны варианты продолжения карьеры бывших губернаторов.

Ключевые слова: *система управления, кадровая политика, губернаторы, дворянство*

В императорской России формирование губернаторского корпуса было одной из важнейших внутривластных задач. С началом Великих реформ она приобрела особенное значение, ведь самодержавие остро нуждалось в надёжных проводниках руководящих установок центра.

Самостоятельный интерес к этой проблеме в историографии был проявлен лишь в последние десятилетия¹. Однако кадровая политика правительства анализируется главным образом с позиции назначений губернаторов². Между тем анализ причин оставления губернаторами своих постов также важен. Они так же, как и назначения, характеризуют ротацию губернаторского корпуса.

В условиях интенсивного обновления губернаторского корпуса в современной России данная проблема приобретает ещё большую актуальность. Сегодня ретроспективное изучение механизмов увольнения губернаторов досоветской России имеет значение для анализа кадровой политики по отношению к руководителям субъектов Федерации.

Уход чиновника с губернаторской службы был большим событием в его жизни. С него могла начинаться новая карьера, но уже на более высоком уровне бюрократической иерархии. С другой стороны, увольнение с поста губернатора могло обернуться отсутствием каких-либо служебных перспектив. На материалах губерний Черноземного центра проанализируем

¹ См.: Минаков А. С. Губернаторский корпус пореформенной России в современной историографии // Вопросы истории. 2009. № 7. С. 162.

² Среди работ о механизмах губернаторских увольнений, но по более раннему периоду стоит выделить: Бикташева А. Н. Механизмы увольнения губернаторов России: опыт Казанской губернии первой четверти XIX в. // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. 2006. № 2. С. 123–128.

дальнейшую судьбу отставленных губернаторов. В данном регионе из 57 губернаторов на более высоких постах продолжили службу 27. Например, два бывших губернатора, орловский М. Н. Лонгинов и рязанский Н. С. Абаза, были назначены начальниками Главного управления по делам печати. Также двое и тоже в прошлом орловский и рязанский губернаторы, А. Б. Лобанов-Ростовский и К. Д. Гагарин, соответственно получили посты товарища министра внутренних дел. В центральный аппарат МВД были перемещены ещё семеро отставных губернаторов. Бывшие рязанские начальники, С. С. Зыбин и Н. А. Тройницкий, стали соответственно управляющим земским отделом МВД и председателем Центрального статистического комитета МВД. Пятеро вошли в состав Совета МВД: бывший воронежский губернатор В. З. Коленко, курские И. А. Звегинцев и Н. П. Муратов, рязанский Д. П. Кладищев, а также тамбовский В. П. Рокасовский. Ещё пятеро бывших губернаторов были причислены к МВД: орловские П. В. Неклюдов и К. А. Балясный, рязанский Н. А. Болдырев, тамбовский К. К. Данзас. Бывший воронежский губернатор П. А. Слепцов также был причислен к министерству, но в дальнейшем был назначен плоцким губернатором.

Помимо назначения на должности в ведомстве МВД отставных губернаторов перемещали и на другие посты. Например, бывший орловский губернатор С. С. Иванов стал помощником попечителя Московского учебного округа, а отставной воронежский губернатор М. А. Оболенский был назначен представителем при румынском правительстве. Распространённым местом продолжения службы было Ведомство императрицы Марии. Почётными опекунами стали бывшие губернаторы: воронежский М. М. Бибиков, орловский А. Н. Трубников и тамбовский М. В. Шаховской-Глебов-Стрешнев.

Восемь бывших начальников губерний стали сенаторами. В их числе укажем воронежского губернатора Е. А. Куровского, курского В. И. Дена, орловского С. С. Андреевского, рязанских Н. С. Брянчанинова, С. Д. Ржевского и В. А. Левашова, и, наконец, в Сенат был назначен бывший тамбовский губернатор Н. М. Гартинг.

Шестнадцать уволенных губернаторов продолжили службу в других губерниях (воронежские губернаторы: М. И. Чертков был определён в Волынскую, П. А. Слепцов в Плоцкую губернию, С. С. Андреевский в Орловскую; курские губернаторы: П. П. Косаговский в Полтавскую, В. В. Валь на пост Петербургского градоначальника, В. М. Борзенко в Гродненскую, М. Э. Гильхен в Бессарабскую; орловские: Н. В. Левашов в Петербургскую, А. Р. Шидловский в Костромскую, Г. И. Кристи в Московскую; рязанские: Н. М. Муравьев в Саратовскую, А. Н. Оболенский на пост Петербургского градоначальника, С. Д. Ржевский в Симбирскую; тамбовские: В. Ф. Лауниц на пост Петербургского градоначальника, Б. М. Янушевич в Ставропольскую, а Н. П. Муратов в Курскую губернии).

Как видно, для большинства чиновников губернаторский пост был промежуточным в карьере. Они продолжили службу либо в более высоком статусе, либо снова были отправлены руководить другими регионами. Лишь для одиннадцати губернаторов их посты оказались последними в карьере. Так в отставку были отправлены воронежские губернаторы В. А. Трубецкой, А. В. Богданович и С. И. Голиков; курские П. А. Извольский, А. Н. Жедринский, А. Д. Милютин и Н. Н. Гордеев; орловский К. Н. Боборыкин; рязанский П. Д. Стремоухов и тамбовские А. А. Фредерикс и А. А. Салтыков.

Чем обусловлено такое соотношение? Заинтересованностью правительства в продвижении кадров, имевших хорошую служебную аттестацию? Постараемся разобраться в обстоятельствах, обуславливавших тот или иной исход губернаторства, а также в том, в какой мере это зависело от действий губернатора, а в какой от политики центральных властей.

Причины ухода губернаторов со своих постов, особенно конфликтные, скандальные, старались не предавать огласке. Поэтому последующее место службы мало что говорит о том, почему был оставлен губернаторский пост. Перевод мог быть порой обставлен совершенно формальными обстоятельствами. Анализ источников позволяет сделать вывод, что одной из главных причин, вызывавшей губернаторские отставки, были должностные упущения и служебные промахи.

Центральная власть не всегда охотно шла на отстранение губернаторов от должности, даже если имелись прямые доказательства их злоупотреблений или упущений по службе. В этом отношении характерным является пример увольнения в 1894 г. орловского губернатора П. В. Неклюдова, обстоятельства которого приобрели общероссийскую известность. В августе 1892 г. он распорядился наказать группу крестьян деревни Оболезьево Орловского уезда, которые не только отказались исполнять строительные работы, обязательные для них по уставным грамотам, но и препятствовали их проведению другими рабочими³. После этого стали распространяться слухи о чрезмерно жестокой степени наказания, приведшей к смерти некоторых крестьян, а также о назревании бунта по этому поводу. Факт массового наказания вышел за рамки губернии и стал обсуждаться в печати и обществе⁴.

Проверка данных, осуществлённая по поручению П. В. Неклюдова орловским уездным исправником, обнаружила беспочвенность всех слухов. Например, относительно смерти наказанных крестьян выяснилось, что «не только никто из них не умер, но даже ни чем не болел, и вообще в здравье их не произошло никаких перемен, и все они, на другой же день после наказания, принялись преспокойно заниматься своими обычными до-

³ Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). Ф. 580. Ст. 1. Д. 3192. Л. 1–1 об.

⁴ См.: *Киреев А. А.* Дневник. Запись 19 апреля 1894 г. // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 126. К. 11. Л. 330; *Короленко В. Г.* Дневник. 1895–1898. Полтава, 1927. Т. 3. С. 138–139.

машинными и полевыми работами»⁵. Также был опровергнут слух о том, что среди наказанных были георгиевские кавалеры. Исправник выяснил, что «десять человек из них простые крестьяне, не служившие вовсе в военной службе, а один <...> простой рядовой, перечисленный за окончанием срока из запаса в отставку, который не только не имеет Георгиевского креста, но никакой медали»⁶. Наконец, исправник отмел все подозрения о том, что данный случай может всколыхнуть настроения крестьянства губернии⁷.

Тем не менее в марте следующего года наказанные крестьяне подали жалобу на незаконные действия губернатора в Правительствующий сенат. Началось следствие, которое длилось более года. П. В. Неклюдов обращал внимание сенаторов на необоснованность его обвинения в чрезмерной жестокости по отношению к крестьянам⁸. Он приводил в своё оправдание желание не допустить народного волнения в обстановке недавнего неурожайного 1891–92 гг. и эпидемии холеры, которые обрушились на губернию. Поэтому ему казалось недопустимым оставлять без внимания всякое «возмущение» населения, и попустительству этому со стороны администрации могли бы иметь самые неприятные последствия⁹. Однако объяснения П. В. Неклюдова были признаны неубедительными. В июне 1894 г. Комитет министров окончательно признал его вину в превышении своих полномочий¹⁰. Он был снят с должности, какого-либо конкретного наказания не понёс и впоследствии сам был назначен... сенатором.

Примеры увольнений губернаторов за прямые нарушения и упущения по службе имели место в разных регионах. В 1875 г. по обвинению в махинациях при покупке земли был уволен со своего поста минский губернатор В. Н. Токарев. Как показало сенатское расследование, в 1874 г. он с нарушениями закона приобрёл земельный участок. После того как законные владельцы земли опротестовали эту сделку, В. Н. Токарев при содействии вызванных им войск начал взыскивать с крестьян свои убытки, используя при этом телесные наказания. Это дело, так же как в случае в П. В. Неклюдовым, получило широкий резонанс, получив название «токаревское»¹¹. Несмотря на то, что министр внутренних дел пытался смягчить вину В. Н. Токарева и организовал пересмотр «увольнительного» приговора, вынесенного Сенатом, Государственный совет оставил его в силе¹².

⁵ ГАОО. Ф. 580. Ст. 1. Д. 3192. Л. 22.

⁶ ГАОО. Ф. 580. Ст. 1. Д. 3192. Л. 22–22 об.

⁷ Там же. Л. 22 об.

⁸ Там же. Л. 67–67 об.

⁹ Дело орловского губернатора Неклюдова // Усиление губернаторской власти. Проект фон Плеве. Paris, 1904. С. 38–39.

¹⁰ Дело орловского губернатора Неклюдова. С. 42–45.

¹¹ См.: [Половцов А. А.] Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. М., 1966. Т. 1. С. 279–280. Запись от 21 января 1885 г.

¹² Зайончковский П. А. Комментарии // [Половцов А. А.] Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Т. 1. С. 517.

На протяжении 1875 г. в МВД поступило большое количество жалоб и доносов на черниговского губернатора А. А. Панчулидзева¹³. Его обвиняли в получении взяток за повышение по службе, определении на какую-либо должность, административном воздействии на решение каких-нибудь вопросов и т. п. МВД организовало проверку деятельности А. А. Панчулидзева, которое подтвердило подозрения¹⁴, и в том же году он был снят с должности.

Киевский генерал-губернатор М. И. Чертков оставил свой пост после проведения в 1880 г. сенаторской ревизии. По мнению современников, данное увольнение имело в том числе и личностный подтекст. «Я не могу его оставить генерал-губернатором, так как он не может перевернуть мысли о посланной мною в Киев сенаторской ревизии» – отзывался о нём Александр II¹⁵. Следует отметить, что М. И. Чертков надолго сохранил неприязнь к А. А. Половцову, который возглавлял ревизию. В дневнике 1901 г. бывший государственный секретарь оставил красноречивую ремарку об их отношениях: «Подле меня сидит не могущий мне простить свою отставку из киевских генерал-губернаторов и потому заклятый враг мой [М.И.]Чертков»¹⁶.

По результатам ревизии в 1881 г. расстался со своей должностью и оренбургский губернатор Н. А. Крыжановский. «В общем уфимское дело окончилось весьма печально для лиц, своекорыстие которых было доказано», – вспоминал А. Н. Куломзин¹⁷. Не случайно в свое время П. А. Валуев пророчески отозвался о Н. А. Крыжановском по поводу его назначения губернатором: «... много испытывавшийся, но едва ли много испытанный»¹⁸.

Часто причинами отставки были действия, не соответствующие правительственным установкам «сверху». Частотой смены губернаторов отмечены 1860-е гг., когда правительству необходимы были надёжные проводники реформ. Местные руководители, которые оказывались неспособными воспринять пореформенные нововведения, заменялись другими. Так, например, с началом проведения крестьянской реформы 1861 г. в 21 регионе были сменены губернаторы¹⁹.

Волна смещений губернаторов приходится и на годы Первой русской революции. Одни губернаторы увольнялись как не сумевшие бороться

¹³ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1282. Оп. 3. Д. 888. Л. 1, 3–6, 8–10, 22–23 об, 24–25.

¹⁴ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 888. Л. 28–32 об.

¹⁵ Цит. по: [Перетц Е. А.] Дневник Е. А. Перетца. [1880–1883 гг.]. М.; Л., 1927. С. 16.

¹⁶ Цит. по: Дневник А. А. Половцова. [1901–1903 гг.] // Красный архив. 1923. Т. 3. С. 88. Запись от 9 апреля 1901 г.

¹⁷ Куломзин А. Н. Пережитое // РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 188. Л. 40–41; см. так же: Мещерский В. П. Мои воспоминания. М., 2003. С. 626.

¹⁸ [Валуев П. А.] Дневник П. А. Валуева министра внутренних дел. М., 1961. Т. 2: 1865–1876. С. 21. Запись от 7 февраля 1865 г.

¹⁹ Минаков А. С. Формирование губернаторского корпуса в пореформенной России // Вопросы истории. 2007. № 12. С. 8–9.

с антиправительственными выступлениями. «Отдано распоряжение губернаторам энергично подавлять всякие бесчинства, не останавливаясь перед самыми решительными мерами, и уже несколько нерешительных губернаторов были смещены» – вспоминал современник²⁰.

Революционные события 1905 г. показали полную некомпетентность рязанского губернатора С. Д. Ржевского. Он уже неоднократно «менял» губернии по этой причине. До этого он имел неудачный опыт руководства Тамбовской и Симбирской губерниями. Всякий раз он оставлял пост из-за недоверия центральных властей к его служебным качествам. Современники отмечали мягкость его характера, которая выражалась в том, что С. Д. Ржевский «терялся при каком-нибудь сопротивлении, а тем более натиске на него и, по мягкости своего характера, был лишён способности налетать на виновного соколом и собственным решительным нападением разрушать вражеские козни»²¹. Уходом из Рязани его губернаторская карьера завершилась окончательно.

Одной из жертв бездействия по отношению к революционной опасности стал и орловский губернатор К. А. Балясный. Он весьма неэффективно с точки зрения центральных властей занимался ликвидацией очагов антиправительственных выступлений. Нелокализованный вовремя очаг беспорядков на заводах Брянского уезда Орловской губернии охватил и соседние уезды Калужской и Тульской губерний. В январе 1906 г. Департамент полиции МВД стал располагать сведениями, что на Бежицком заводе в Брянском уезде рабочие создают собственную милицию, выборные органы самоуправления и постоянно созывают антиправительственные митинги. Он просил губернатора проверить данные факты²², но К. А. Балясный подобное замечание оставил без внимания. 26 января Департамент полиции МВД предписал немедленно разоружить рабочих²³. 29 января К. А. Балясный уведомил Департамент полиции МВД, что на Брянских заводах милиции и органов самоуправления нет, как не отмечено и скопления оружия. Провести же поголовные обыски, по мнению губернатора, не представлялось возможным по причине малочисленности личного состава полиции²⁴. Однако в Департаменте полиции МВД были по-прежнему уверены, что рабочие вооружены. 14 февраля «при перевозе кассы со станции в главную контору завода было сделано вооруженное нападение вблизи главной конторы, причем выстрелами из револьверов убит конный городской и тяжело ранен кучер. Отряд казаков, обыкновенно сопровождавший

²⁰ Кошко И. Ф. Воспоминания губернатора (1905–1914). Новгород–Самара–Пенза. Пг., 1916. С. 16.

²¹ Муратов Н. П. Записки тамбовского губернатора. Тамбов, 2007. С. 27.

²² РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 73. Л. 8.

²³ Там же. История Брянского края. Брянск, 2003. С. 35.

²⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 73. Л. 8 об.

кассиров, на этот раз отсутствовал, вследствие нераспорядительности полиции. Злоумышленники, в числе 10 человек, безнаказанно скрылись»²⁵.

После этого между губернатором и центром начался буквально каждодневный обмен телеграммами. МВД требовал принятия скорейших и решительных мер, а К. А. Балясный отвечал, что меры принимаются, но катастрофически не хватает личного состава и нужна помощь летучего отряда сысской полиции²⁶. Вместе с тем он признавал наличие среди населения Бежицы революционного актива и факт массового вооружения рабочих. Однако без помощи центральных властей стабилизировать ситуацию не представлялось возможным. Поэтому в марте 1906 г. по распоряжению штаба Московского военного округа в губернии было создано четыре «летучих отряда» для борьбы с антиправительственными выступлениями²⁷.

Расследование этого дела выявило, наряду с упущениями К.А. Балясного по борьбе с революционным движением, ряд общих должностных злоупотреблений. Было выяснено, что «весьма крупным поводом к неудовольствию против камергера Балясного, как орловского губернатора, послужила так же служебная атмосфера, в которую он поставил управление губернией, атмосфера если не явно доказанных злоупотреблений, то во всяком случае нездоровая»²⁸. В докладе по результатам расследования, фигурировало имя чиновника губернаторской канцелярии В. П. Руткевича, который, войдя в доверие к губернатору, использовал своё служебное положение в личных материальных интересах. Этот предприимчивый чиновник «сумел скоро сделаться очень нужным и близким к губернатору Балясному человеком, и <...> весьма беззастенчиво построил своё материальное благосостояние, облагая всякое служебное движение полицейских чинов денежными в его пользу приношениями»²⁹.

Видимо, данное положение дел в губернии еще долго оставалось не раскрытым, если бы в 1906 г. по Брянскому уезду не прокатилась волна крупных рабочих выступлений, которая и обнаружила подобные злоупотребления. В данной ситуации злоупотребления губернской администрации были увязаны с её неспособностью противостоять революционному движению. В июне 1906 г. К. А. Балясный был уволен с губернаторского поста, но избежал наказания за свои должностные упущения. Он разделил судьбу многих губернаторов, оставивших свои посты в годы Первой русской революции, и, как многие «провинившиеся» губернаторы, был причислен к МВД.

Подобные примеры можно найти и в других губерниях. Например, варшавский генерал-губернатор К. К. Максимович в 1905 г. получил отставку, «потому что забастовал и удалился на дачу около Варшавы, откуда

²⁵ Там же. Л. 8 об.—9.

²⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 73. Л. 9.

²⁷ ГАОО. Ф. 580. Ст. 1. Д. 4336. Л. 5–5 об.

²⁸ РГИА. Ф. 472. Оп. 194/2682. Д. 122. Л. 5–5 об.

²⁹ Там же. Л. 5 об.

не выезжал»³⁰. По той же причине в 1905 г. был уволен самарский губернатор Д. И. Засядко³¹. В 1905 г. не справился с ситуацией и тульский губернатор М. М. Осоргин, подавший в отставку, «не поладив с Дурново, который требовал репрессий»³². Подобным образом из-за служебных недоработок в 1906 г. покинул свой пост прибалтийский генерал-губернатор В. У. Соллогуб. Видимо, ему не удалось оправдать ожидания министра внутренних дел П. А. Столыпина. «Столыпин хотел, чтобы генерал Соллогуб принимал в отношении населения меры, которые не были в согласии с его убеждениями, поэтому между Столыпиным и Соллогубом произошли разногласия, которые привели к увольнению Соллогуба»³³.

Вместе с тем получить отставку можно было не только за «мягкую» политику, но и за чересчур жёсткие действия, особенно если они не вписывались в либеральные шаги правительства. С. Ю. Витте во время Первой русской революции, «стремясь угодить общественному мнению, а прежде всего печати, деятельно преследовал в то время всех местных начальников, поддерживавших порядок. Местные руководители, простившиеся со своими постами за “превышение власти” стали заложниками своей верности служебному долгу, которая была нужна для стабилизации положения на местах, но не нужна правительству, заботившемуся о своей либеральной репутации сиюминутного характера»³⁴.

Случаи принесения губернаторов в жертву политическим интересам центрального руководства встречались и ранее. В 1897 г. министр внутренних дел И. Л. Горемыкин, стремясь поддержать хорошие отношения с либеральным крылом общественности в лице тверского земства, добился отставки тверского губернатора П. Д. Ахлестышева. Глава МВД не побоялся пойти на данный шаг «даже невзирая на то, что у Ахлестышева были большие связи и что, следовательно, его увольнение могло даже создать Горемыкину могущественных врагов в правом лагере»³⁵.

Весьма распространённым объяснением ухода с губернаторского поста было состояние здоровья. В исследуемом регионе подобным образом в 1889 г. был уволен тамбовский губернатор барон А. А. Фредерикс³⁶, в 1890 г. воронежский губернатор А. В. Богданович, а в 1906 г. курский губернатор Н. Н. Гордеев. Между тем, за формулировкой «по состоянию здоровья» зачастую скрывались какие-нибудь иные причины. Например, действительной

³⁰ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 549.

³¹ Кошко И. Ф. Указ. соч. С. 37.

³² Голицын М. В. Мои воспоминания (1873–1917). М., 2007. С. 344–345, 349.

³³ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 395.

³⁴ См. Харламов Н. П. [Записки бюрократа. Воспоминания]. Последний министр последнего самодержца (А. Д. Протопопов) // Отдел рукописей РГБ. Ф. 215. К. 20. № 5. Л. 6 об.; Крыжановский С. Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 122.

³⁵ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 79.

³⁶ Государственный архив Тамбовской области (далее – ГАТО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 4008. Л. 87–87 об.

причиной увольнения в 1879 г. нижегородского губернатора П. И. Кутайсова³⁷ было не ослабленное здоровье, а его упущения по службе³⁸.

За попустительство противоправительственным действиям своих подчинённых в 1862 г. покинул свой пост наказной атаман Донского казачьего войска М. Г. Хомутов. По свидетельству Д. А. Милютина, штабное окружение М. Г. Хомутова, оказывало «сопротивление всем предпринимаемым Военным министерством нововведениям»³⁹. Однако увольнение опять-таки было объяснено преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья. Никаких взысканий по службе М. Г. Хомутов не получил. Более того, в том же году он был назначен членом Государственного совета.

Другой распространенной причиной удаления губернаторов были их конфликты с местным административным и общественным окружением. Например, первые месяцы нахождения в должности рязанского губернатора Н. М. Муравьёва прошли в постоянном противоборстве с вице-губернатором М. Е. Салтыковым, который вышел на первые роли в губернской администрации при предыдущем губернаторе М. К. Клингенберге. Неуступчивому заместителю начальника губернии удалось создать Н. М. Муравьёву негативную репутацию в МВД, а самое главное, в рязанском обществе. В итоге Н. М. Муравьёв в 1862 г. вынужден был оставить свой пост из-за этого конфликта⁴⁰.

Одними из наиболее распространённых причин удаления губернаторов были их конфликты с местным дворянством. Вновь назначенные губернаторы, особенно не знакомые с краем, неизбежно сталкивались с интересами местной дворянской корпорации. Предводители дворянства, особенно имевшие связи в придворных или высших бюрократических кругах, буквально с первых дней испытывали на прочность губернатора-новичка. Например, у курского губернатора В. И. Дена натянутые отношения с местным дворянством сложились сразу после назначения. Как верно подмечал один мемуарист, «Курская губерния считалась беспокойной для управления. Дворянство здесь всегда играло видную роль, и с ним не легко было ладить губернатору»⁴¹. Достаточно сказать, что предшественник В. И. Дена, Н. П. Бибииков, стал жертвой дворянских интриг⁴².

В. И. Ден, сторонник авторитарного стиля управления, очень скоро начал вызывать раздражение курских дворян, которые были недовольны высокомерным и неуважительным отношением к себе со стороны губерна-

³⁷ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 904. Л. 2–2 об.

³⁸ См.: Милютин Д. А. Дневник. М., 1950. Т. 3: 1878–1880. С. 193. Запись от 17 декабря 1879 г.

³⁹ Милютин Д. А. Воспоминания, 1860–1862. М., 1999. С. 376–378.

⁴⁰ Макашин С. А. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860 годов. М., 1972. С. 262–263; История Рязанской власти: руководители Рязанского края, 1778–2008. Рязань, 2008. С. 150–151.

⁴¹ Плетнев И. Т. Воспоминания шестидесятника // Наша старина. 1915. № 10. С. 940.

⁴² См.: Хитрово Л. Губернатор-оригинал, 1861–1863 (страничка из воспоминаний) // Вестник Европы. 1914. Кн. 12. С. 222.

тора. Уже в первые месяцы после появления В. И. Дена в губернии дворянство стало жаловаться на него в МВД. Однако первоначально в центре отнеслись скептически к подобным ходатайствам. Даже когда Александр II 10 августа 1861 г. находился в Курске и девять уездных предводителей подали жалобу на В. И. Дена находившемуся в императорской свите шефу жандармов В. А. Долгорукову, их действия не возымели должного эффекта. Глава МВД по поводу такого дворянского демарша заявил: «... можно усматривать в заявлении предводителей только выражение неудовольствия девяти частных лиц, принадлежащих к дворянскому сословию и состоящих в то же время уездными предводителями»⁴³. Однако отношения дворян с губернатором оставались напряжёнными, и в 1863 г. им удалось добиться увольнения В. И. Дена.

Преемник В. И. Дена, П. А. Извольский, отец будущего министра иностранных дел, в 1866 г. также вынужден был оставить свой пост из-за конфликта с курским дворянством. Поводом к его увольнению послужило наказание сельского старосты за задержку подачи лошадей для проезда губернатора с супругой. Однако дознание, проведённое МВД, обнаружило по данному делу иные, не связанные с конкретным случаем обстоятельства. Специально командированный на место состоящий при МВД М. Анисимов доносил П. А. Валуеву: «Дворяне Курской губернии теперь разделены на два, так сказать враждебных лагеря. Одна половина за губернатора, другая против него. По объяснению губернатора Извольского, против него партия находится под влиянием бывшего губернатора генерала Дена, который действует здесь через агента своего Рахманова»⁴⁴. Рахманов, по мнению М. Анисимова действует очень осторожно, потому все его пакости против губернатора делаются «вчистую». В центре решили прекратить развитие напряжённости между губернатором и дворянством, и П. А. Извольский был уволен от должности с причислением к МВД.

Другой курский губернатор, П. П. Косаговский, также имел неприятности с местным дворянством. В 1885 г. он был перемещён в Курск с должности одесского градоначальника. В отношениях с курской дворянской элитой П. П. Косаговский, казалось бы, имел в качестве неоспоримого козыря не только прошлый губернаторский опыт, но и практику собственной службы по дворянским делам, в родной Новгородской губернии. Однако в действительности именно невозможность установить нормальные взаимоотношения с дворянством привели к увольнению П. П. Косаговского с поста курского губернатора.

Материалы, собранные курскими жандармами для Департамента полиции, свидетельствовали: «... принимая губернию, тайный советник Косаговский имел как бы предвзятое мнение, что его предместник (И. А. Звегинцев. – *А.М.*), как говорится, распустил губернию, и как сам

⁴³ П. А. Валуев – Н. Я. Скарятину, 23 августа 1861 г. // РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 760. Л. 7–7 об.

⁴⁴ М. Анисимов – П. А. Валуеву, 15 ноября 1865 г. // РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 807. Л. 17–17 об.

бывший предводитель дворянства очень возвышал эту должность, считая господ предводителей как бы своими помощниками по делу управления губернии, давая всегда веру докладам предводителей и даже по беспорядкам по полицейской части»⁴⁵. Трения между П. П. Косаговым и А. Д. Дурново начались после избрания последнего в 1887 г. курским губернским предводителем дворянства. С самого начала своего предводительства А. Д. Дурново заявил, что желает навести порядок в делах местной дворянской корпорации. Там, по его мнению, царил беспорядок, виновником которого был курский уездный предводитель Н. П. Анненков. Между губернским и уездным предводителями возникла личная неприязнь. Ко всему прочему, А. Д. Дурново при отъезде из губернии старался не сдавать свою должность Н. П. Анненкову, чем нарушал установленный законом порядок⁴⁶.

В июне 1888 г. местный дворянин Левкович обратился к губернатору с намерением сделать пожертвование на учреждение собственной именной стипендии для учащихся-дворян губернии. Губернский предводитель дворянства А. Д. Дурново отказался принять деньги, ссылаясь на сомнительную репутацию Левковича из-за его якобы махинаций во время службы в интендантстве во время Русско-турецкой войны 1877–78 гг. Однако, П. П. Косаговский настоял на обсуждении этого вопроса на дворянском собрании, а до созыва последнего деньги было решено поместить в ящик, где хранился дворянский капитал⁴⁷.

Спустя несколько месяцев Левкович потребовал возвращения своих денег. Он собрался передать их министру народного просвещения И. Д. Делянову, приезд которого ожидали в Курске. Поскольку А. Д. Дурново находился в это время за границей, П. П. Косаговский решил получить деньги от грайворонского предводителя Н. И. Хорвата, исполнявшего из-за болезни Н. П. Анненкова его обязанности. Однако Н. И. Хорват заявил губернатору, что денег от А. Д. Дурново не принимал⁴⁸. Курский полицеймейстер Топчиев услужливо уведомил губернатора, что А. Д. Дурново не мог сдать пожертвованные деньги Хорвату, так как взял их с собой в поездку за границу. П. П. Косаговский доверился Топчиеву, а потому согласился вскрыть дворянский денежный ящик, чтобы тем самым «разоблачить» А. Д. Дурново, да и «привычка губернатора вечно острить на счёт губернского предводителя дворянства, публично подтрунивать над ним, взяли верх»⁴⁹. После взлома ящика оказалось, что все дворянские суммы,

⁴⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. Оп. 84. Д. 468. Л. 2–2 об.

⁴⁶ Там же. Л. 1; Манифест 6 декабря 1831 г. «О порядке дворянских собраний, выборов и службы по оным» // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собр. II. СПб., 1832. Т. 6. № 4989. С. 262. § 109; С. 260. § 91.

⁴⁷ Степанов В. Б. Наместники и губернаторы Курского края, 1779–1917 гг.: Исторические очерки. Курск, 2005. С. 169.

⁴⁸ Там же. С. 170.

⁴⁹ Степанов В. Б. Указ. соч. С. 171.

включая деньги Левковича, были на месте. Слух об этом инциденте не только быстро распространился по всей губернии, но и дошёл до Петербурга. Поэтому вскоре после выяснения обстоятельств дела было принято решение убрать П. П. Косаговского из Курской губернии. В 1889 г. он был переведён на пост полтавского губернатора.

Другим ярким примером конфронтационных отношений руководителя губернской администрации и дворянства является деятельность Н. П. Муратова на постах тамбовского и курского губернаторов. За время службы в обеих губерниях он не единожды вызывал раздражение у местной дворянской корпорации и земства. Н. П. Муратов, прослужив длительное время в судебных учреждениях, выработал в себе резкое неприятие любого противодействия властям. Для него, убеждённого консерватора, не имел значение статус и общественное положение оппонента. Став губернатором в годы Первой русской революции, именно в борьбе с «независимостью» дворянства он видел залог реставрации прежних отношений. В связи с этим «привычка повелевать и идти напролом притупляла у него чувство реальности, формировала убеждение, что в целом обстановка в стране складывается в его пользу и возврат к старым порядкам уже близок»⁵⁰.

Находясь в Тамбовской губернии, в 1912 г. во время очередных дворянских выборов Н. П. Муратов отказался утвердить избрание графа К. А. Бенкендорфа моршанским уездным предводителем дворянства. Последний был обвинён губернатором в лояльности к кадетам, что, впрочем, не подтвердилось. Тем не менее, о конфликте стало известно далеко за пределами губернии. МВД предупреждало Н. П. Муратова о нежелательности обострения отношений с дворянством. Однако противостояние перешло в область личного желания губернатора настоять на правильности своих действий. Описывая эти события в мемуарах, Н. П. Муратов представил дело так, что «раз он убедился в злобности графа, то и сам министр уже не имел силы предотвратить расправу над ним, так как в своих действиях относительно дворянства в пределах губернии губернатор властен поступать так, как сочтёт нужным»⁵¹. Однако сохранившаяся переписка тамбовского губернатора с министром внутренних дел А. А. Макаровым говорила совсем об обратном. На самом деле он старался каждый свой шаг согласовывать с МВД, хотя в упрямом нежелании идти навстречу дворянской воле уже зашёл настолько далеко, что отказ от своей позиции означал бы полную собственную дискредитацию перед лицом общественности. Поэтому в условиях приближавшихся очередных выборов в Государственную думу и во избежание углубления конфликта Н. П. Муратова с дворянством, который приобретал всероссийскую огласку, было решено удалить его из Тамбовской губернии⁵².

⁵⁰ Туманова А. С. Консерватор во власти: губернатор Н. П. Муратов // Отечественная история. 2003. № 3. С. 110.

⁵¹ Соловьёв Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. Л., 1990. С. 203.

⁵² См.: Соловьёв Ю. Б. Указ. соч. С. 203–204.

Еще не утихли споры вокруг конфликта Н. П. Муратова с тамбовским дворянством, а он уже был определён в Курскую губернию, где поначалу его приезд получил восторженные отклики со стороны консервативного крыла местного дворянства. Правые члены Государственной думы – куряне (Н. Е. Марков 2-й, А. П. Вишневецкий 1-й, Г. А. Шечков и др.) даже прислали специальную приветственную телеграмму по поводу его вступления в должность⁵³. Однако по мере того, как в служебной деятельности нового губернатора стали проявляться черты его принципиального, неуживчивого характера, назревало и столкновение с дворянством. Положение усугубилось с началом Первой мировой войны. В Курской губернии, как и в большинстве тыловых регионов, развернулась работа по обеспечению нужд фронта. В соответствии с военной необходимостью Н. П. Муратов организовал в губернии производство сапог для армейских нужд. Известный курский земец Н. Е. Марков выступил с заявлением, что при непосредственном участии губернатора выпускается продукция ненадлежащего качества. Как и в Тамбовской губернии, конфликт очень скоро вышел за пределы губернаторской канцелярии. Он стал предметом широкого обсуждения, получив название «Марковская история»⁵⁴. Хотя Военное министерство и Интендантство встали на сторону курского губернатора⁵⁵, в деле налицо был политический подтекст, выразившийся в желании Н. Е. Маркова способствовать удалению раздражавшей его фигуры.

В правительстве посчитали назревающий скандал крайне нежелательным как для общественной атмосферы, так и в связи с общим возросшим напряжением для всего административного аппарата. Поэтому Н. П. Муратову было предложено покинуть свой пост. Добавим, что половина уездных предводителей дворянства Курской губернии демонстративно отказались участвовать в официальных проводах Н. П. Муратова из губернии⁵⁶.

Рязанский губернатор П. Д. Стремоухов также стал жертвой утраты своего авторитета. Местное дворянство по инициативе своего предводителя А. Н. Реткина решило выразить сочувствие принятому в январе 1865 г. адресу Московского губернского дворянского собрания о привлечении сословных представителей к «государственным делам». Однако МВД вскоре запретило проводить подобные акции и обсуждать такие вопросы на дворянских собраниях. П. Д. Стремоухов ознакомил дворян с предписаниями центральных властей. Однако рязанское дворянство и конкретно А. Н. Реткин фактически проигнорировали министерский циркуляр. Он был принят ими «к сведению». После этого случая доверие к П. Д. Стремоухову со

⁵³ Государственный архив Курской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8263. Л. 4.

⁵⁴ *Муратов Н. П.* Воспоминания // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1208. Оп. 1. Д. 26. Л. 419 об.– 422 об.

⁵⁵ Там же. Л. 422 об.

⁵⁶ *Степанов В. Б.* Указ. соч. С 206.

стороны центральных властей исчезло, и осенью того же года он был снят со своего поста⁵⁷.

В МВД с крайним неприятием относились ко всяким конфликтам губернаторов не только с дворянством, но и с их губернским окружением, не только общественным, но и административным. Например, на постоянное давление со стороны представителей губернской административной элиты жаловался министру внутренних дел орловский губернатор Н. В. Левашов⁵⁸. Так, председатель орловской казённой палаты просил местного жандармского штаб-офицера, чтобы тот своими донесениями инициировал увольнение Н. В. Левашова. Как вариант «заговорщики» рассматривали создание условий для назначения с той же целью в губернию сенаторской ревизии. На губернском уровне «антигубернаторская» коалиция выглядела весьма представительной. Помимо председателя казённой палаты в её состав входили управляющий акцизными сборами, губернский прокурор и председатель палаты уголовного суда. Сенаторской ревизии губернаторская оппозиция не добилась, но в 1866 г. Н. В. Левашов был удалён из губернии.

В другом случае подобная ситуация привела к отставке рязанского губернатора Н. А. Болдырева. В 1873 г. конфликт Н. А. Болдырева с губернским окружением расследовался сенатором Н. Н. Петерсом. Как отмечал состоявший при нём представитель МВД Н. Бендон «несомненно обнаруживается факт раздражительности в отношениях между административными, судебными и жандармскими ведомствами, а также одной немногочисленной по своему составу партией дворянства»⁵⁹.

Кроме того, поводом к увольнению Н. А. Болдырева послужила история с его участием в охоте, во время которой он заехал на крестьянское поле. Хозяин-крестьянин, не знавший губернатора в лицо попытался выпроводить топчущего посева ржи всадника. Между тем подоспевшие люди из сопровождения Н. А. Болдырева по приказанию последнего избili крестьянина, который вскоре скончался от побоев. В целях сокрытия содеянного, Н. А. Болдырев приказал закопать тело крестьянина. Однако местный прокурор, расследовавший преступление, распорядился провести эксгумацию тела и доказал, что крестьянин скончался от нанесенных многочисленных побоев⁶⁰. Дело получило огласку, и в МВД было принято решение удалить Н. А. Болдырева. Как случилось в большинстве подобных дел, он избежал суда и был перемещён на должность управляющего Московским государственным коннозаводством.

⁵⁷ Стрелмоухов П. Д. Из воспоминаний о графе П. А. Валуеве // Русская старина. 1903. Т. 11. С. 283–285.

⁵⁸ См.: Н. В. Левашов – П. А. Валуеву, 5 ноября 1864 г. // ОР РНБ. Ф. 126. № 31. Л. 8 об.–9.

⁵⁹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 873. Л. 16–16 об.

⁶⁰ Кузнецов Н. Н. Воспоминания о М. Е. Салтыкове-Щедрине (1865–1868) // М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М., 1975. Т. 1. С. 175.

Конфликты губернатора с губернским предводителем дворянства, как правило, не только становились предметом обсуждения всего провинциального общества, но и определяли «союзников» и «противников» обеих сторон. Непопулярная личность губернатора и, наоборот, яркая фигура его оппонента нередко обуславливали вовлечение в конфликт не только других членов дворянской корпорации, но и представителей губернских органов власти. Особенно часто в числе последних оказывались представители «соперничавших» с МВД ведомств, например министерств финансов или юстиции.

Наиболее рьяно центральная власть отстаивала прерогативы коронной администрации при попытках общественности вторгнуться в политическую плоскость. Так, например, в МВД внимательно следили за работой местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Деятельность этих учреждений развернулась в атмосфере жёсткого противостояния МВД и Министерства финансов. Борьба усиливалась на фоне личного, идейного столкновения В. К. Плеве и С. Ю. Витте, руководителей обеих ведомств. Борьба за рычаги влияния на разработку аграрно-крестьянского вопроса переросла в настоящее сражение за контроль над всей внутренней политикой⁶¹. МВД требовало от губернаторов тщательного надзора за «правильностью» действий местных комитетов Особого совещания. Увольнение в 1902 г. воронежского губернатора П. А. Слепцова и курского губернатора А. Д. Милютина было как раз связано с деятельностью их губернских комитетов Особого совещания. А. Д. Милютину было поставлено в вину попустительство антиправительственным действиям одного из местных комитетов Особого совещания. В суджанском уездном комитете предводитель дворянства В. А. Евреинов и председатель земской управы П. Д. Долгоруков допустили принятие ряда постановлений, содержащих конституционные требования⁶².

В Воронежской губернии местный комитет Особого совещания также занимался не специальными вопросами, а дискутировал «о способах управления государством»⁶³. Резонанс, перешедший границы губернии, имела речь председателя губернской земской управы Д. А. Перелешина, произнесённая в губернском комитете. Она содержала прямую критику государственного устройства. Губернатор П. А. Слепцов не стал сообщать об этом в центр, желая выждать, пока инцидент утихнет. Однако В. К. Плеве узнал об этом от начальника воронежского губернского жандармского управления⁶⁴. Это предопределило скорую отставку губернатора.

Таким образом, переход на более высокую должность был самым благоприятным итогом пребывания чиновника на губернаторском посту.

⁶¹ *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* С. Ю. Витте и его время. СПб., 1999. С. 119–120.

⁶² [Любимов Д. Н.] Отрывки из воспоминаний Д. Н. Любимова // Исторический архив. 1962. № 6. С. 79.

⁶³ *Савелов Л. М.* Из воспоминаний, 1892–1903. Воронеж, 1996. С. 82.

⁶⁴ Отрывки из воспоминаний Д. Н. Любимова. С. 80.

Повышением по службе могли быть назначения губернатора генерал-губернатором, министром (его товарищем), членом Государственного совета, сенатором, руководителем в центральном аппарате какого-либо ведомства. Последующая карьера бывших губернаторов зависела от усмотрения центральных властей, поскольку формально пребывание на губернаторском посту (даже продолжительное) не давало никаких карьерных гарантий. По мнению И. А. Блинова, дальнейшая служба бывших губернаторов должна была законодательно регламентироваться: «... постороннему беспристрастному наблюдателю почти никогда не понять, почему одно лицо получило более, а другое менее лестное назначение»⁶⁵. Несмотря на то что должность губернатора находилась в ведении МВД, чиновник мог продолжить службу не только в рамках этого министерства. Существовало немало примеров, когда бывшие губернаторы продолжали службу в других ведомствах.

Назначение в Совет министра внутренних дел или причисление к МВД являлось обыкновенно служебным транзитом. Однако если для одних чиновников это был перерыв перед новым назначением, то для других он фактически знаменовал закат карьеры. Обратим внимание, что на эти должности также попадали бывшие губернаторы после «конфликтных» увольнений. «Быть причисленным к министерству, небольшое удовольствие», – весьма верно подмечал один из губернаторов⁶⁶.

Назначение в Сенат или Государственный совет, что было формальным повышением, вряд ли могло рассматриваться как продолжение карьеры, поскольку это были по сути тупиковые, малозначительные для проявления личной инициативы должности. Кроме того, на эти должности весьма часто попадали проштрафившиеся чиновники, которых «прятали» далеко и высоко от места прежних прегрешений. Члены высшего законосовещательного учреждения часто рекрутировались из числа бывших губернаторов. Император Александр III в 1890 г. даже высказал мнение о желательности именно такого кадрового подхода. Бывшие губернаторы имели в глазах царя репутацию чиновников, «приобретших практические сведения о действительной жизни в провинции»⁶⁷. Некоторые чиновники, зная о подобной практике, старались «побыть» губернаторами, чтобы попасть в Государственный совет⁶⁸. Особенно часто члены Государственного совета пополнялись бывшими губернаторами после его реформирования в 1906 г. «В последнее время чаще, чем раньше, назначались членами Государственного совета и простые губернаторы, почему-либо особо угодившие правительству или пользовавшиеся особою протекцией», – писал об этом И. И. Толстой⁶⁹.

⁶⁵ Блинов И. Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб., 1905. С. 266.

⁶⁶ Муратов Н. П. Записки тамбовского губернатора. Тамбов, 2007. С. 329.

⁶⁷ Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Т. 2. С. 335. Запись от 25 декабря 1890 г.

⁶⁸ См.: Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 167.

⁶⁹ Толстой И. И. Мемуары. М., 2002. С. 235.

Несколько схожая ситуация была и Сенате, где также заседали бывшие губернаторы-«самодуры», которые были совсем не заинтересованы противодействовать растущему к концу XIX столетия административному произволу. Нередко перемещение бывших губернаторов в Сенат было почётной отставкой. «Есть приказание государя о назначении сенаторами трех губернаторов, негодность коих сделалось очевидной при борьбе с голодом», – читаем мы по этому поводу в дневнике А. А. Половцова⁷⁰.

Дальнейшие места службы свидетельствуют о том, какое место в карьере чиновника занимало его прошлое губернаторство. Формально отставные губернаторы, как правило, переходили на более высокие посты в бюрократической иерархии. Исключения составляли лишь случаи перевода на губернаторские должности в другие регионы. Однако «высота» последующего поста в карьере губернатора была не пропорциональна его влиянию и значению. Например, назначение членом Государственного совета или членом Совета МВД могло рассматриваться как форма почётной отставки. В то же время губернаторский пост оказался хорошей «школой» будущих администраторов министерского уровня. Недаром среди бывших губернаторов было много как руководителей ведомств (прежде всего МВД), так и работников центрального аппарата разных министерств.

Увольнение губернаторов также было одной из мер, посредством которой правительство снимало напряжённость в регионе и открывало возможность для стабилизации ситуации. В целом губернаторские отставки были вызваны причинами объективного свойства. Сюда следует отнести упущения по службе, в том числе приведшие к конфликтам, как с центральной властью, так и с губернским административным окружением, а также противостояния с губернской общественностью (с дворянской корпорацией в частности). Центральная власть ревностно заботилась о репутации губернаторов и редко допускала широкой огласки их противоправных действий, даже случаи явного служебного несоответствия, как правило, скрывались, а губернаторы наказывались «почётной» отставкой в виде перемещения на какую-нибудь менее заметную должность. Таким образом, ротация состава местных руководителей была одним из важнейших условий реализации основных положений внутренней политики.

Список литературы:

1. *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* С. Ю. Витте и его время. СПб., 1999.
2. *Бикташева А.Н.* Механизмы увольнения губернаторов России: опыт Казанской губернии первой четверти XIX в. // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. 2006. № 2.
3. *Блинов И.* Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб., 1905.
4. *Богданович А. В.* Три последних самодержца. М., 1990.

⁷⁰ Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Т. 2. С. 400. Запись от 16 декабря 1891 г.

5. *Зайончковский П. А.* Комментарии // [*Половцов А. А.*] Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. М., 1966. Т. 1.
6. *Макашин С. А.* Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860 годов. М., 1972.
7. *Минаков А. С.* Губернаторский корпус пореформенной России в современной историографии // Вопросы истории. 2009. № 7.
8. *Минаков А. С.* Формирование губернаторского корпуса в пореформенной России // Вопросы истории. 2007. № 12. С. 8–9.
9. *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. Л., 1990.
10. *Степанов В.Б.* Наместники и губернаторы Курского края, 1779–1917 гг.: Исторические очерки. Курск, 2005.
11. *Туманова А. С.* Консерватор во власти: губернатор Н. П. Муратов // Отечественная история. 2003. № 3.

DISMISSALS AS THE FACTOR OF ROTATION OF THE GOVERNOR'S CASE IN RUSSIA (SECOND HALF XIX – EARLY OF THE XX CENTURIES)

A. S. Minakov

The Oryol State University,
chair of history of Russia, Oryol

Mechanisms of dismissal of governors in Russia in second half XIX– early XX centuries are analyzed in the article. The reasons and the circumstances causing governor's resignations are considered. Variants of continuation of career of the former governors are shown.

Keywords: *Control system, personnel selection, governors, nobility.*

Об авторе:

МИНАКОВ Андрей Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Орловского государственного университета.

E-mail: minakovas@bk.ru

Статья поступила в редакцию 12.11.2010.